

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

И. Г. Арцыбашев

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Рассматриваются некоторые аспекты проблемы определения толерантности. В рамках этого выявлены и проанализированы причины, обуславливающие широкий плюрализм существующих исследовательских позиций в изучении данного понятия. Кроме того, предприняты попытки обобщить и систематизировать основные подходы к формулированию дефиниций толерантности в этимологическом, социально-философском, религиозно-философском, этическом и психологическом аспектах. На основе полученных результатов сделан вывод о том, что следует более взвешенно подходить к ее использованию в качестве оптимального и единственно возможного средства регулирования социальных отношений в современном российском обществе.

В последние годы в России (и в других странах) получило широкое распространение понятие «толерантность». При этом анализ существующих в настоящее время дефиниций толерантности свидетельствует о большом плюрализме исследовательских позиций, вплоть до диаметрально противоположных, что, судя по всему, обусловлено как социокультурными различиями во взглядах и убеждениях их авторов, так и многочисленностью контекстов употребления рассматриваемого понятия.

Большинство определений исходит от отечественных исследователей, что вероятнее всего обусловлено двумя причинами: *во-первых*, тем, что, согласно концепции Б. В. Емельянова, в русской философии толерантность выражается через многообразие и диалектическую связь особенного — терпимости, всеединства, соборности, ненасилия, евразийства. Такова, по его мнению, «толерантность по-русски»¹; *во-вторых*, наблюдавшимся начиная со второй половины 80-х гг. XX в. изменением приоритетов во внешней

политике нашей страны в сторону усиления политических и экономических отношений с ведущими европейскими государствами и США (сегодня ситуация становится иной). В результате вновь произошло активное проникновение (как, например, при Петре I) элементов западной культуры в российское общество, приведшее, в частности, к широкому распространению у нас понятия «толерантность», что побудило отечественных ученых дать ему свои определения в различных аспектах.

Различия в исследовательских позициях в основном зависят от отношения их авторов к таким вопросам, как:

- ценностное содержание толерантности; ее роль в духовном и нравственном совершенствовании человека, поиске и формировании путей мирного сосуществования с носителями иных мнений, убеждений, культур;
- степень тождественности и альтернативности ценностного содержания толерантности и терпимости;
- условия проявления толерантного отношения к девиантности, его субъекты, объекты и границы.

Причем определения рассматриваемого понятия настолько разнообразны, что они различаются даже в рамках одного вида научной деятельности, в частности философии. По мнению М. Б. Хомякова, сегодня практически отсутствует современная философская теория толерантности, поскольку «одни из существующих определений имеют предельно широкий и потому абстрактный характер, другие из-за своей узости не могут рассматриваться как исчерпывающие»².

Некоторые ученые полагают, что полное понимание толерантности труднодостижимо также в силу разных интересов, воззрений, традиций, предпочтений, амбиций³; что, будучи «достаточно абстрактным понятием, она малодоступна для наблюдения и измерения научными методами»⁴.

Существующие затруднения в изучении дефиниций данного понятия обусловлены рядом причин субъективного и объективного характера. Так, сторонники аккультурации толерантности в России либо деликатно обходят вопрос об использовании исторически апробированного элемента российской культуры — терпимости; либо полностью отождествляют оба понятия; либо считают, что в отличие от терпимости толерантность является более универсальным и соответственно оптимальным средством предотвращения и преодоления конфликтных ситуаций в российском обществе.

И наконец, определенные трудности в процесс исследования привносит то, что в суждениях некоторых отечественных и зарубежных исследователей отсутствуют прямые указания на то, что они конкретно имеют в виду — толерантность или терпимость, когда стремятся сформулировать, каким образом человек должен относиться к чужим взглядам, убеждениям, поведению. Как, например, в этом смысле интерпретировать мнения, которые в равной степени можно отнести к дефинициям обоих понятий:

- Дж. Ст. Милля о том, что недостаточно воспринимать чужие взгляды

и их истолкования собственными усилиями, поскольку такой подход не позволяет реально ощутить доводы противника. Необходимо их слышать из уст того, «кто верит в них, защищает всерьез и во всю силу», нужно узнать их «в наиболее яркой и убедительной форме, почувствовать все трудности», с которыми можно столкнуться, защищая свою позицию. При этом вместо подавления индивидуальности следует поощрять ее действия, отличные от действий массы⁵, поскольку человечество «больше выигрывает, позволяя людям жить по-своему», чем принуждая их жить «как надо»⁶;

— Г. Кюнга о необходимости формирования экуменической теологии, видящей в любой другой богословской системе не противника, а партнера, и ориентирующей не на размежевание, а на взаимопонимание между людьми, придерживающимися различных вероучений⁷;

— А. П. Куницына о том, что на праве свободно мыслить и действовать основывается право каждого человека свободно исповедовать ту или иную религию⁸?

Итак, опираясь на вышесказанное, можно констатировать наличие проблемы определения толерантности. В рамках ее решения представляется целесообразным прежде всего проанализировать, обобщить и систематизировать существующие основные подходы к формулированию дефиниций рассматриваемого понятия в различных аспектах (этимологическом, социально-философском, религиозно-философском, этическом и психологическом). Попытки сделать это и предприняты в предлагаемой статье.

Так, в различных энциклопедических словарях⁹ указывается, что толерантность происходит от лат. *tolerāntia* либо *toleratio*. В первом случае это переводится на русский язык как терпение, «терпеливость», во втором — как «умение переносить, терпеливость». Как видим, оба значения практически идентичны. Однако если взять во внимание другие вариации корневой основы (*tolero*) слова «толерантность», то увидим, что семантические значения данного понятия могут различаться. В частности, непосредственно перевод *tolero* (*-āvi*, *-ātum*, *-āre*) имеет два варианта — «нести, держать» и «переносить, выдерживать, терпеть». Другие производные от этого корня означают следующее: *tolerābilis* — «терпимый, терпеливый», *tolerāns* (*-antis*) — «терпеливо переносящий, терпящий»¹⁰.

Следовательно, спектр этимологических определений толерантности может быть достаточно широк — начиная от терпимости к чужим взглядам, убеждениям и поведению, способности нести какую-то нагрузку (например, морально-психологическую, когда человек придерживается идеей непротивления злу насилием), быть при этом морально или психологически устойчивым (выдерживать, держать «себя в руках») и заканчивая умением терпеливо переносить (терпеть) чье-то воздействие (моральное, идеологическое или психологическое).

Дефиниции толерантности в других названных выше аспектах еще более разнообразны. По мнению одних ученых, благодаря толерантности про-

является максимум уважения к общечеловеческим ценностям и «инаковости»¹¹. Другие полагают, что она вообще не присуща человеку как *homo sapiens*¹². Обе эти точки зрения условно можно принять в качестве полярных. Между ними расположено множество других мнений о толерантности, которая, как считает А. В. Логинов, и «должна быть разной, поскольку взаимодействуют различные культуры, а общим местом для них является лишь сама ситуация взаимодействия»¹³.

Так, ряд зарубежных и отечественных исследователей полностью отождествляют толерантность с терпимостью. И в данном случае терпимость представляет собой терпимое отношение к ложным убеждениям, предрассудкам друг друга¹⁴; к инакомыслию¹⁵; к другому субъекту, несмотря на возможную первоначально негативную оценку его поведения, образа жизни, культуры¹⁶; важное моральное качество индивида, характеризующее его отношение к интересам, убеждениям, верованиям, привычкам других людей¹⁷; отказ каждого человека от догматизма и признание многообразия истины¹⁸.

Другие ученые еще больше конкретизируют степень тождественности толерантности и терпимости. Они считают, что толерантность не есть «все позволяющая терпимость», поскольку не может быть безусловным принятием иного; что это не столько терпимость, сколько «индивидуальная мера терпимости и нетерпимости»¹⁹; что она не является требованием обязательной терпимости вообще ко всему²⁰, так как в противном случае будет способствовать нарушению индивидом либо группой людей общепринятых норм нравственности, ущемлению чьих-то прав и свобод.

Некоторые исследователи вообще отрицают тождественность обоих понятий. В частности, Г. У. Солдатова считает, что «семантическое наследство слова «терпимость» перегружено коннотациями, не совсем подходящими для понимания толерантности в контексте культуры мира». С учетом этого, а также того, что в «современном общественном понимании» терпимость является качеством, отражающим лишь один из аспектов толерантности²¹, их нельзя считать тождественными понятиями.

Аналогичная позиция прослеживается и у Л. Н. Коноваловой. По ее мнению, толерантное отношение к иному является не только моральным долгом, но также «политическим и правовым требованием». Вследствие этого, считает она, по своему содержанию толерантность уже не является синонимом терпимости, а становится целевым устремлением, направленным против любой ксенофобии, и способствует предотвращению конфликтов в мире²². Исходя из данной позиции, можно заключить, что следует внести соответствующие изменения в законодательство нашей и других стран, в международные правовые акты, в которых сегодня в качестве «политического и правового требования» как раз употребляется общепризнанное понятие «терпимость»²³. Однако возникает вопрос о реальной необходимости этих изменений и возможных обратных последствиях.

Анализируя позицию Л. Н. Коноваловой, И. В. Понкин говорит о том, что если воспринимать толерантность еще и как «политическое и правовое требования», то она неизбежно превращается в «толерантизм», «секулярную квазирелигиозную идеологию», которая:

1) претендует на «общеобязательность и универсальность в удовлетворении духовных потребностей, маскируясь одновременно под терпимость (в том числе — веротерпимость), культуру, единую для всех духовность и под идеологию либерализма», на «статус государственной идеологии, на роль принципа правоотношений и на универсальность в удовлетворении духовных потребностей»;

2) «основывается на двойных стандартах и мерках, носит агрессивный характер, не приемлет никакого плюрализма во мнениях и противоречий себе»;

3) характеризуется «жестким диктатом идеологической позиции принудительной индифферентности к проявлениям безнравственности и разрушению исторически сложившихся духовно-нравственных ценностей и религиозно-культурных традиций»;

4) «настроена негативно по отношению к исторически сложившимся в России духовно-нравственным ценностям и религиозно-культурным традициям, требуя от них “отказа от догматизма, от абсолютизации истины”, ориентируясь при этом на благоприятствование импорту зарубежных духовно-ценностных систем»²⁴.

Схожие с И. В. Понкиным точки зрения прослеживаются и у ряда других исследователей.

Так, В. В. Чешев полагает, что этика общечеловеческой солидарности (под которой он понимает «веротерпимость и способность к совместному проживанию с другими народами», основанные «на сострадании и взаимопомощи всех живущих») и толерантность не совпадают друг с другом. По его мнению, толерантность является прежде всего идеологической категорией западной цивилизации; при этом толерантным сознанием должны проникаться народы, втягиваемые в орбиту нового мирового порядка, и им следует быть толерантными прежде всего к западной цивилизации; последняя же не склонна вести диалог с представителями культур, критически настроенных к Западу, полагая, что этот критицизм есть следствие незрелости и неразвитости. Кроме того, ученый считает, что с этической точки зрения толерантность, в отличие от этики общечеловеческой солидарности, не предполагает ясного разграничения Добра и Зла²⁵.

Проблема инкорпорирования принципов толерантности в пространство «незападных» социумов рассматривается и у И. Н. Левченко, который интерпретирует ее в двух значениях: 1) как «социокультурную ценность и норму», призванную регулировать межличностные и межгрупповые отношения в социуме, актуализирующуюся в современных условиях под влиянием процессов глобализации и распространения либеральной демократии

западного образца; 2) и как «рационально осознанную необходимость» терпимого отношения к другому как к равному, в основе которой лежит «дистанцирование и объективирование», детерминированные западными ценностями индивидуализма. При этом в основании данных значений толерантности отсутствует такая существенная составляющая, как «нравственно-понимающее сопереживание», имманентное понятию «терпимость» в российской культурной традиции восприятия «иного»²⁶.

О. А. Алексеев называет подобную толерантность «западной», считая, что ее суть заключается в формальном отношении к другому субъекту, оцениваемому как неизбежное, но «полезное “зло”». Кроме того, она определяется им как «остывшая ярость чувств, тлеющий конфликт, улыбка сквозь зубы», как терпимость к «другому», лишенная любви и сострадания. В этой связи он употребляет термин «российская толерантность», которая обусловлена «стремлением к “слиянию”, соборности, органической целостности», а ее истоком является «чувственное начало, вселенская любовь»²⁷.

Представляют интерес и дефиниции толерантности, изложенные в концепции П. Николсона. Изначально это понятие определяется у него как «добродетель воздержания от употребления силы для вмешательства в мнения или действия другого, хотя бы они и отклонялись в чем-то важном от мнения или действия субъекта толерантности и последний морально не был бы согласен с ними». Вместе с тем она не есть «некое необходимое зло, примирение с тем, с чем ради мира и спокойствия мы примиряться вынуждены». То есть толерантность возможна только по отношению к некоторому отклонению, являющемуся важным для индивида, касающемуся его самых глубоких убеждений и чувств, вызывающему у него моральное несогласие с тем, с чем он не может мириться. И он способен ее проявлять лишь при наличии у него определенной возможности «подавить предмет толерантности или, по крайней мере, воспротивиться либо помешать ему», например, путем применения мер правового или административного характера, физической либо вооруженной силы. Однако она должна существовать лишь потенциально и не быть реализованной, поскольку оказание необходимого воздействия на другого человека может осуществляться только в ходе конструктивного диалога с ним.

Кроме того, ученый полагает, что при соблюдении перечисленных условий рассматриваемое понятие можно еще определить как «моральный идеал», который не требует, чтобы субъект толерантности непременно видел какое-либо достоинство и иные положительные аспекты в тех мнениях, с которыми он не согласен; но он должен уважать личность тех, кто имеет эти мнения, и относиться к этим людям как к рациональным моральным субъектам, чьи взгляды можно обсуждать и оспаривать и которые «способны к рациональному изменению своих убеждений» в случае оказания на них соответствующего аргументированного воздействия. Однако это не распространяется на тех, с чьей стороны адекватной реакции не наблюдается, а

их девиантные действия сопряжены с возникновением явной (или потенциальной) угрозы для других.

И наконец, ключевым положением концепции П. Николсона является выдвинутое им утверждение о том, что толерантность «есть благо, поскольку она — необходимое средство или условие внутренне благого, то есть слагаемое блага». И таким благом, по его мнению, могут быть свобода, справедливость, цивилизация, истина либо же некоторое их сочетание. Именно в данном аксиологическом значении следует прежде всего воспринимать толерантность. Вместе с тем ученый предостерегает от исключительно положительного восприятия этого понятия. В частности, он говорит о том, что толерантность «в негативном смысле» требует только того, чтобы мы «допускали свободное выражение идей, с которыми мы не согласны»; а в позитивном значении она представляет собой требование того, чтобы мы «принимали моральную ценность такого свободного выражения этих идей»²⁸. То есть для индивида должно быть важно не столько позволить девиантность, сколько понимать приоритетность возможности такого поведения другого человека либо самого субъекта толерантности (ведь не каждый задумывается о том, как его действия воспринимают окружающие люди, хотя к ним также могут относиться как к отклонению).

Развивая указанную концепцию П. Николсона, М. Б. Хомяков называет толерантность «странной добродетелью воздержания от употребления своей силы во вред принципиально неприемлемому отклонению». Такая дефиниция (исходя из рассуждений ее автора) обусловлена тем, что, с одной стороны, индивид признает существующее в обществе отклонение чем-то «принципиально недопустимым, неверным, или даже морально вредным»; а с другой — толерантность требует от него «отказа от своей силы влияния на существование этого отклонения». Следовательно, в случае столкновения с чем-то существенно девиантным для него человек неизбежно встает перед выбором (начинает испытывать борьбу мотивов) — всеми средствами уничтожить неприемлемое отклонение либо признать право личности выбирать то, что она считает нужным, «даже если при этом... и выбирает что-то “морально неправильное”»²⁹ (по этому поводу И. А. Ильин писал, что наличие «подлинного зла, изливающегося во внешне злые деяния, вызывает дилемму перед человеком, которая формулирует великое столкновение между духовным призванием человека и его нравственным совершенством»³⁰). В конечном итоге проявление индивидом толерантности возможно лишь тогда, когда у него ослаблено моральное несогласие с отклонением или имеются особые причины для уважения личности носителя этого отклонения³¹.

У Дж. Грея толерантность также определяется как добродетель, но только свойственная людям, «осознающим свое несовершенство» и убежденным в том, что свобода есть «необходимое условие благой жизни»³². Конечно, человек, обладающий чувством превосходства над окружающими, дума-

ющий прежде всего о себе и лишь потом о других, способен проявить толерантное отношение к какому-либо носителю девиантности. Однако будет относиться к нему так лишь по соображениям корыстного характера, из снисходительности (но без сочувствия, сострадания, любви, жалости) либо из равнодушия, поскольку добродетель неизбежно сопряжена с проявлением милосердия, взаимопонимания, с признанием объекта толерантности в качестве равноправного участника взаимодействия.

Необходимо отметить, что в вопросе определения рассматриваемого понятия как добродетели существует и совершенно иная точка зрения. В частности, Дж. К. Лорсен считает, что толерантность не является вообще добродетелью, а, будучи чем-то средним между полным принятием и гонением («жизнь с чем-то, что ни может быть всецело одобрено, ни полностью осуждено»), есть что-то вроде «второго сорта», однако в некоторых случаях все же представляет собой единственно возможный выход из конфликта³³.

Некоторые ученые (М. Б. Хомяков и др.) полагают, что в современных условиях толерантность имеет особую актуальность, поскольку выступает «тем самым искомым mediator-ом, который делает возможным применение универсальных ценностей к национально своеобразной культуре»³⁴. Вместе с тем другие исследователи предостерегают от такого восприятия толерантности. В частности, С. Г. Ильинская указывает на парадокс рассматриваемого понятия как ценности, который, по ее мнению, заключается в том, что толерантность «утверждает отказ терпимого человека от распространения на всех людей тех норм, которые он сам искренне считает обязательными для всего человечества»; однако при реализации данного отказа индивид уже «по определению» не сможет считаться моральным субъектом³⁵. Это относится только к тем случаям, когда человек проявляет терпимость к злу, несправедливости и т. п.

Схожая позиция прослеживается и у других исследователей, считающих, что, выступая «общечеловеческой, общезначимой ценностью», толерантность одновременно является и «относительной ценностью», значение которой зависит от конкретных условий ее применения³⁶, т. е. от социокультурной конформности субъекта толерантности; среды, в которой происходит его взаимодействие с носителем «инаковости»; степени важности для него того или иного отклонения во взглядах, убеждениях и поведении другого индивида и т. д. Действительно, данное понятие может либо включать в себя признание плюрализма в убеждениях (моделях поведения) и активную защиту ценностей других людей, способствовать их свободному выражению либо являться «своего рода неестественным воздержанием, видом скрежетания зубами при смирении с поведением, убеждениями и ценностями других»³⁷.

Согласно мнениям ряда ученых, в современных условиях толерантность следует понимать и как «социокультурную толерантность», заключающуюся в активном отношении к миру, сознательном признании прав и свобод

другого вне зависимости от его этнической, религиозной и другой принадлежности³⁸; и как социально-культурный феномен и нравственный принцип, представляющий собой сознательное подавление неприязни, вызванное проявлением у противоположной стороны общения всех тех качеств, которые характеризуют ее инаковость³⁹. То есть субъект толерантного отношения должен осознавать и принимать как данность наличие у других людей равенства с ним в правах и свободах; и если их взгляды, убеждения и действия вызывают у него негативное отношение, то он обязан его подавлять. Однако с этим можно согласиться в том случае, когда речь идет о стремлении субъекта толерантности объективно разобраться в «инаковости», понять ее, чтобы своевременно выявить и предотвратить возможные угрозы для себя самого либо для других людей. И поскольку этот процесс является сложным в моральном и психологическом отношении, он требует от индивида «усилия духа и души»⁴⁰; внутреннего активного отношения, проявляемого «то ли в сострадании (и молчании), то ли в действии (и диалоге)»⁴¹; самостоятельного психологического преодоления или ослабления неприятия «иного» на уровне собственного менталитета, для чего необходимы волевые усилия и стремление к мирному сосуществованию и взаимопониманию⁴².

Рассматривая толерантность в религиозно-философском аспекте, следует отметить, что ряд исследователей, в частности Дж. Ньюмен, формулируют ее дефиницию следующим образом: индивид должен толерантно относиться не столько к какому-то религиозному верованию, сколько в первую очередь принять возможность для другого человека иметь его⁴³. Эта точка зрения представляется достаточно убедительной и приемлемой в смысле практической реализации принципа религиозной свободы. Действительно, верующему человеку прежде всего важно осознать, что другие люди имеют такие же, как и он, права исповедовать то или иное вероучение либо придерживаться атеистических убеждений. Хотя одновременно может (а по-другому у него вряд ли получится) не воспринимать объект чужой веры в качестве равноценной, а значит и равноправной, истины. Это связано с тем, что, так или иначе, верующий человек (и в известном смысле атеист) «считает истинной только одну веру, одно учение — то, которое он принимает и искренне стремится приобщить к нему других людей, по его мнению, отошедших от истины»⁴⁴.

Практически в этом же русле рассуждает и В. М. Князев. В частности, он считает, что наряду с другими функциями религиозная толерантность призвана также играть роль «общеобязательной нормы культуры», с помощью которой следует воспитывать в каждом гражданине способность жить вместе, в том числе «...христианина и сатаниста» (с этим можно согласиться частично, если идеология сатанизма содержится только в умах ее последователей и не реализуется в виде каких-то конкретных действий — в совершении актов вандализма, в публичном выражении своего негативного и

оскорбительного отношения к христианству, его традициям, в осквернении храмов и т. п.). Одновременно, по его мнению, она должна защищать духовно-нравственное здоровье человека и ограничивать деятельность религиозных деструктивных организаций, поскольку именно в этом заключается позитивное развитие толерантности «по пути иначе возможного»⁴⁵.

Заканчивая обзор возможных дефиниций толерантности, представляется целесообразным (для объективности) рассмотреть еще несколько точек зрения.

Согласно одной из них нельзя не учитывать опасности толерантности, поскольку в определенном смысле «терпимость к чужому — дорога к утрате своего»⁴⁶. И с этим сложно не согласиться, хотя все зависит от того, в каких границах находится отношение индивида к «инаковости», каковы мотивы его толерантного (терпимого) восприятия чужих убеждений, действий, насколько ему близки духовно-нравственные ценности своей культурной среды.

От отношения к толерантности как к универсальному средству предотвращения и разрешения всех социокультурных противоречий предостерегают и другие ученые. Так, В. М. Князев считает, что она является «семантической ловушкой», попав в которую, носитель российской культуры может потерять чувство реальности; привносит в живой русский язык «некий формальный, отчужденный смысл неведомой и чуждой реальности», тем самым лишая нас связей со своими культурными традициями, в частности с более понятной нам по смыслу терпимостью. А это есть «опасный по своим последствиям» процесс экспансии толерантности в отечественную духовную культуру, проникновения в «глубины человеческой души», являющейся местом для «царствия Божия внутри нас», а не для «суетных ценностей этого мира»⁴⁷.

В свою очередь А. В. Перцев полагает, что толерантность сама по себе еще не обеспечивает необходимого взаимопонимания в отношениях представителей различных этносов, социальных слоев, культур. Она является только «промежуточным этапом» в движении от конфликта к действительному взаимопониманию и взаимодействию и всего лишь переводит состояние конфронтации в относительно мирное, ненасильственное русло⁴⁸. При этом толерантность должна объяснять людям, как им относиться к чужим взглядам, убеждениям, поведению, учить их глубже понимать друг друга⁴⁹.

Наряду с этим А. В. Перцев определяет толерантность и как «позицию неустойчивого равновесия». Это, по его мнению, детерминировано тем, что «устойчивость в отношениях между людьми не может основываться на одной только доброй воле и рациональных этических соображениях. Разум — вещь гибкая и изменчивая. В каждую следующую секунду он уже не равен себе прежнему. Строить на нем — значит строить на песке». В этой связи, как считает ученый, устойчивость может обеспечиваться «только рутинными, вошедшими в привычку, то есть уже не требующими осмысления и

постоянного морального выбора, действиями»⁵⁰, можно сказать, выполняемыми на подсознательном уровне.

Схожие по смыслу позиции прослеживаются и во мнениях других исследователей, полагающих, что толерантность:

- способна если не разрешить проблему, то по крайней мере как-то разрядить ее⁵¹;

- это результат трудоемкого, последовательного, постепенного процесса⁵²;

- представляет собой установку либерального принятия «иных» моделей поведения, убеждений и ценностей⁵³, нацеливающую на уважительное восприятие чужой этнической или религиозной самобытности, других культур, обычаев и образа жизни, нравственных ценностей, мировоззренческих убеждений и мнений, проявлений человеческой индивидуальности как достойных уважения⁵⁴. Не воспринимая эти установки и не следуя им (в рамках соответствующих границ), индивид будет неспособен увидеть и пройти сложный путь от конфликта к конструктивному диалогу, необходимому взаимопониманию и взаимодействию.

И наконец, некоторые ученые (Е. Ю. Клепцова и др.) определяют толерантность «как свойство личности, актуализирующееся в ситуациях несовпадения мнений, оценок, верований, поведения людей, проявляющееся в снижении сензитивности к иному за счет задействования механизмов терпения (выдержки, самообладания, самоконтроля)». Причем, так же как и терпимость, она дает человеку возможность приспособиться к чему-то неблагоприятному для него — тревоге, девиантным действиям другого индивида (либо группы людей), чужой вере и т. д., т. е. носит адаптивный характер, но не более того. Однако именно из-за последнего обстоятельства толерантность уступает терпимости, которая, кроме адаптивной, выполняет еще и «активную функцию» — позволяет изменять чужое мнение, поведение другого человека, но без применения средств принуждения; при этом она проявляется в принятии, понимании, доброжелательности, согласованности, сотрудничестве и асертивности⁵⁵. А реализация таких механизмов отношения к «инаковости» возможна лишь через конструктивный диалог с ее носителем, взаимодействие с ним в поиске способов мирного сосуществования.

Таким образом, анализ приведенных дефиниций толерантности позволяет условно сформулировать три общих подхода к ее пониманию.

Сторонники *первого подхода* рассматривают данное понятие только в аксиологическом значении, в частности, как терпимое, сознательное и уважительное восприятие чужой этнической или религиозной самобытности, обычаев и образа жизни, мировоззрений, нравственных и моральных ценностей; нравственный принцип, представляющий собой сознательное подавление неприязни к «инаковости»; моральный идеал, благо и добродетель воздержания от употребления силы для вмешательства в мнения или действия

другого; условие, делающее возможным использование универсальных ценностей применительно к национально-своеобразной культуре и способствующее предотвращению конфликтов в мире; безусловное принятие возможности для другого человека иметь иное верование; стремление к «слиянию», соборности, органической целостности», исходящее из «чувственного начала и вселенской любви».

Второй подход имеет явную критическую направленность. Его сторонники определяют толерантность как проявление низкой социально-психологической чувствительности личности к «инаковости», вплоть до равнодушия; идеологию, необоснованно претендующую на роль универсального средства формирования межчеловеческих, межкультурных отношений, удовлетворения духовных потребностей, основывающуюся на двойных стандартах и мерках, не приемлющую плюрализм во мнениях, формирующую в сознании индивида индифферентность к проявлениям безнравственности, не совпадающую с этикой общечеловеческой солидарности; формальное отношение к другому субъекту, оцениваемому как неизбежное, но «полезное „зло“»; терпимость к другому, лишенную любви и сострадания; что-то среднее между полным принятием и гонением; относительную ценность, поскольку может представлять собой и неестественное воздержание, скрежежание зубами, «остывшую ярость чувств, тлеющий конфликт, улыбку сквозь зубы» при смирении с убеждениями, поведением других; понятие, не предполагающее ясного разграничения Добра и Зла; путь к утрате элементов «своего» (самобытности, культуры).

Причем как в первом, так и во втором подходах наблюдаются совпадения во мнениях отечественных и зарубежные исследователей.

В исследовательских позициях, объединенных в *третьем* подходе, толерантность понимается в первую очередь как трудоемкий, последовательный путь от конфликта к действительному взаимопониманию и взаимодействию, способствующий переводу состояния конфронтации в относительно мирное, ненасильственное русло.

Наличие таких разных подходов вызывает необходимость проведения дальнейших исследований толерантности, а также применения взвешенного подхода к ее использованию в качестве единственно возможного средства регулирования межконфессиональных, межнациональных и иных социальных отношений в российском обществе.

¹ См.: Емельянов Б. В. Толерантность по-русски: многообразие в единстве // Толерантность: Вестн. Урал. межрегионал. ин-та обществ. отношений. Екатеринбург, 2001. С. 18, 28.

² Хомяков М. Б. Проблема толерантности в христианской философии. Екатеринбург, 2000. С. 5.

³ См.: Толерантность / Под общ. ред. М. П. Мчедлова. М., 2004. С. 18.

⁴ Солдатова Г. У., Шайгерова Л. А., Шарова О. Д. Тренинг «Учимся толерантности» // На пути к толерантному сознанию: Сб. М., 2000. С. 182.

- ⁵ См.: Милль Дж. Ст. О свободе / Пер. с англ. А. Фридмана // Наука и жизнь. 1993. № 12. С. 21, 26.
- ⁶ Там же. № 11. С. 13.
- ⁷ См.: Кюнг Г. Великие христианские мыслители. СПб., 2000. С. 397.
- ⁸ См.: Куницын А. П. Право естественное. СПб., 1818. С. 65.
- ⁹ См.: Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. Г. В. Осипова. М., 1998; Современный философский словарь / Под общ. ред. В. Е. Кемерова. М., 2004; Современный словарь иностранных слов. М., 2001.
- ¹⁰ См.: Латинско-русский словарь. М., 2000. С. 775.
- ¹¹ См.: Яковлев В. Опыт религиозной толерантности на Волге в XVII–XIX вв.: взгляд спустя столетия [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.portal-credo.ru>
- ¹² В Москве обсудили проблемы религиозной толерантности. 24 ноября 2004 года [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.religare.ru>
- ¹³ Логинов А. В. Толерантность: от понятия к проблеме // Толерантность: Вестн. Урал. межрегионал. ин-та обществ. отношений. С. 120.
- ¹⁴ См.: Грей Дж. Поминки по Просвещению / Пер. с англ. Г. В. Каменской. М., 2003. С. 63.
- ¹⁵ См.: Истамгалин Р. С. Принцип толерантности и идея ненасилия в религиях мира / Идея ненасилия в XXI веке: Сб. науч. докл. к междунаrod. симп.-диалогу светских и религиозных ученых «Идея ненасилия и ее пределы», Пермь, 24–25 мая 2006 г. Пермь, 2006. С. 136.
- ¹⁶ См.: Клепцова Е. Ю. Психология и педагогика толерантности. М., 2004. С. 10.
- ¹⁷ См.: Ищенко А. Ю. Толерантность как философско-мировоззренческая проблема // Философская и социологическая мысль. Киев, 1990. № 4. С. 49.
- ¹⁸ См.: Темичева Е. Толерантность в России: свои и чужие. Толерантность как условие существования [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://trc.tsu.ru/apendix/tolerant-3.htm>
- ¹⁹ Хафизова Н. А. Пределы, границы и проблемы толерантного поступка // Идея ненасилия в XXI веке. Пермь, 2006. С. 49–50, 53.
- ²⁰ См.: Понкин И. В. Светскость государства. М., 2004. С. 405.
- ²¹ См.: Солдатова Г. У. Практическая психология толерантности // Межкультурный диалог: проект «Толерантность. Открытость. Лояльность. Цивилизация» [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.tolz.ru>
- ²² См.: Коновалова Л. Н. Бизнес, толерантность и культура мира — путь к диалогу в обществе и становлению репутации отечественного предпринимательства [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://peace.unesco.ru/tolerance/pub/konovalova.htm>
- ²³ См.: Федеральный закон Российской Федерации «О свободе совести и религиозных объединениях», Международную конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации и др.
- ²⁴ Понкин И. В. Светскость государства. С. 406.
- ²⁵ См.: Чешев В. В. Проблема общечеловеческой солидарности в русской культуре [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.situation.ru>
- ²⁶ См.: Левченко И. Н. Ценности толерантности и терпимости принимающего сообщества в условиях миграционной подвижности населения юга России: Автореф. дис. ... канд. социолог. наук. Ростов н/Д, 2006. С. 17–19.
- ²⁷ Алексеев О. А. Толерантность и перспективы развития общества // Толерантность и полисубъектная социальность: Материалы конф., Екатеринбург, 18–19 апр. 2001 г. Екатеринбург, 2001. С. 100.
- ²⁸ Николсон П. Толерантность как моральный идеал / Пер. с англ. Я. Р. Абдуллина и М. Б. Хомякова // Толерантность: Вестн. Урал. межрегионал. ин-та обществ. отношений. С. 131–134, 138.
- ²⁹ Хомяков М. Б. Парадигмы религиозной толерантности: время для новых теорий? // Деятельность органов государственной власти и религиозных организаций по формирова-

нию толерантного сознания в межконфессиональных отношениях: Материалы окруж. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 31 марта — 1 апр. 2004 г. Екатеринбург, 2004. С. 22–23, 26.

³⁰ Ильин И. А. О духовном компромиссе // Собр. соч.: В 10 т. М., 1996. Т. 5. С. 205.

³¹ См.: Хомяков М. Б. Парадигмы религиозной толерантности: время для новых теорий? С. 27.

³² Грей Дж. Поминки по Просвещению. С. 45–66.

³³ См.: Хомяков М. Б. Проблема толерантности в современной англоязычной политической философии: основные концептуальные подходы // Толерантность в современной цивилизации: Материалы междунар. конф., Екатеринбург, 14–19 мая 2001 г. Екатеринбург, 2001. С. 110.

³⁴ Там же. С. 116–118.

³⁵ См.: Ильинская С. Г. Толерантность как категория политической теории: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2006. С. 13–14.

³⁶ См.: Юровских Н. Г. Толерантность как личностный и культурный феномен: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Курган, 2004. С. 16.

³⁷ Ребер А. Большой толковый психологический словарь: В 2 т. М., 2000. Т. 2. С. 363.

³⁸ См.: Хомяков М. Б. Проблема толерантности в современной англоязычной политической философии: основные концептуальные подходы. С. 116–118.

³⁹ См.: Иванова И. И. Несторианство, буддизм и православие в Центральной Азии [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://siteistok.host.net.kg/new_books/Buddhizm&.htm

⁴⁰ Перцев А. В. Ментальная толерантность // Толерантность: Вестн. Урал. межрегионал. ин-та обществ. отношений. Екатеринбург, 2001. С. 57.

⁴¹ Ищенко А. Ю. Толерантность как философско-мировоззренческая проблема. С. 53.

⁴² См.: Понкин И. В. Светскость государства. С. 404.

⁴³ См.: Хомяков М. Б. Парадигмы религиозной толерантности: время для новых теорий? С. 25.

⁴⁴ Костина Н. Б. Взаимодействие религиозных общностей различной конфессиональной принадлежности как условие мировоззренческой толерантности // Толерантность в культуре, этнических и межконфессиональных отношениях: Материалы межрегионал. науч.-практ. конф., Курган, 3 дек. 2002 г. Курган, 2003. С. 57.

⁴⁵ Князев В. М. Толерантность — согласие несогласных: Деятельность органов государственной власти и религиозных организаций по формированию толерантного сознания в межконфессиональных отношениях. С. 42–43, 54.

⁴⁶ Серова И. А. Мультипарадигмальность толерантности // Идея ненасилия в XXI веке. С. 235.

⁴⁷ Князев В. М. Толерантность — согласие несогласных. С. 36–37, 45.

⁴⁸ См.: Перцев А. В. Ментальная толерантность. С. 52–53.

⁴⁹ См.: Перцев А. В. Жизненная стратегия толерантности: проблема становления в России и на Западе. Екатеринбург, 2002. С. 5.

⁵⁰ Перцев А. В. Ментальная толерантность. С. 53.

⁵¹ См.: Истамгалин Р. С. Принцип толерантности и идея ненасилия в религиях мира. С. 138.

⁵² См.: Розенко С. В. Практика и проблемы регулирования толерантного сознания в межконфессиональных отношениях // Деятельность органов государственной власти и религиозных организаций по формированию толерантного сознания в межконфессиональных отношениях. С. 74.

⁵³ См.: Ребер А. Большой толковый психологический словарь. С. 363.

⁵⁴ См.: Понкин И. В. Светскость государства. С. 404.

⁵⁵ См.: Клепцова Е. Ю. Психология и педагогика толерантности. М., 2004. С. 14–15.

Рукопись поступила в редакцию 14 декабря 2006 г.